

СХІДНЕ ПИТАННЯ ТА «ВЕЛИКІ ІДЕЇ» НА БАЛКАНАХ

УДК 62+94(17/18)

«ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС» И ПЕРСИЯ (КОНЕЦ XVIII – ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX вв.)

О. А. Гоков

Гоков, О. О. «Східне питання» і Персія (кінець XVIII – перша чверть XIX ст.)

Учасниками «Східного питання» були не лише великі держави Європи, а й країни Азії. Зазначена проблема в різний час була тісно пов'язана з іншими – боротьбою за колоніальний поділ Африки, англо-російським суперництвом на Середньому Сході, конкуренцією за переважання в європейських справах тощо. «Східне питання» – міжнародна проблема, що включає в себе ряд «підпитань» і перебуває в тісному взаємозв'язку з іншими відносно незалежними «питаннями» міжнародних відносин в Європі та Азії. Одним з них було перське, пов'язане з боротьбою великих держав за домінування в Ірані. Європейські держави намагалися використати Іран як противагу Османській імперії та один одному в боротьбі за вплив над Стамбулом. Але протягом 1850-х – 1870-х рр. відбувається різке зниження ролі Ірану в «Східному питанні» порівняно з першою половиною століття. В результаті з 1880-х рр. він перестає бути активним учасником проблеми.

Ключові слова: «Східне питання», «Перське питання», великі держави, Іран, міжнародні відносини.

Гоков, О. А. «Восточный вопрос» и Персия (конец XVIII – последняя четверть XIX вв.)

Учасниками «Восточного вопроса» были не только великие державы Европы, но и государства Азии. Указанная проблема в разное время была тесно связана с другими – борьбой за колоніальний раздел Африки, англо-російським соперничеством на Среднем Востоке, конкуренцией за преобладание в европейских делах и пр. «Восточный вопрос» – міжнародная проблема, включающая в себя ряд «подвопросов» и находящаяся в тесной взаимосвязи с другими относительно независимыми «вопросами» международных отношений в Европе и Азии. Одним из них был персидский, связанный с борьбой великих европейских держав за доминирование в Иране. Европейские государства пытались использовать Иран как противовес Османской империи и друг другу в борьбе за влияние над Стамбулом. Но на протяжении 1850-х–1870-х гг. происходит резкое снижение роли Ирана в «Восточном вопросе» в сравнении с первой половиной века. В результате с 1880-х гг. он перестаёт быть активным участником проблемы.

Ключевые слова: «Восточный вопрос», «Персидский вопрос», великие державы, Иран, международные отношения.

Gokov, O. A. “The Eastern question” and Persia (the end of 18th - last quarter of 19th century)

Not only the Great Powers of Europe, but also the Governments of Asia did participated in the “Eastern question”. The mentioned problem was closely connected with the other events of that time – the struggle for colonial division of Africa, the Anglo-Russian rivalry in the Middle East, the competition for dominance in European affairs, etc. “The Eastern question” is an international problem, which includes a number of “sub questions” and which is closely connected with the other relatively independent “problems” of the International Relationships in Europe and Asia. “Persian question” was among them. It was connected with the struggle of European countries for the domination in Iran. The European countries tried to use Iran opposite to Ottoman Empire and each other, struggling for the influence at Istanbul. Comparing to the first half of the century there was a great decrease of Iran’s role in the “Eastern question” in 1850-1870. As a result, in 1880 it ceased to be an active participant of the problem.

Keywords: “Eastern question”, “Persian question”, Great Powers, Iran, International Relationships.

Возникновение «Восточного вопроса» в историографии традиционно датируется второй половиной XVIII в., хотя единство среди историков относительно определённой даты отсчёта отсутствует¹. Впервые сам термин «Восточный вопрос» был употреблён на Веронском конгрессе Священного союза 1822 г.² Тем не менее очевидно, что проблема возникла задолго до её наименования. Нижняя хронологическая рамка варьируется от XV в. (наиболее распространённая дата 1453 г. – год захвата столицы Византийской империи Константинополя турками-османами) до XVIII в. (в качестве популярного рубежа здесь выступают либо русско-турецкая война 1768–1774 гг., либо завершивший её Кучук-Кайнарджийский мирный договор)³. Верхняя граница проблемы определяется началом XX в.,

хотя относительно точной даты единства среди историков также нет. В качестве таковой рассматриваются Мудроское перемирие 1918 г., Севрский мирный договор 1920 г., завершение национально-освободительного движения в Турции 1919–1922 гг. и ликвидация султаната, а также Лозаннская мирная конференция 1923 г. В результате, в историографии и исторической публицистике сформировались два подхода к «Восточному вопросу» – «широкий» и «узкий». Выбор каждого из них зависит преимущественно от личных предпочтений того или иного историка. В первом случае «Восточный вопрос» ассоциируется с борьбой христианских народов Европы против османской (исламской) экспансии (или Европы с Азией)⁴. Во втором же – с соперничеством европейских держав за наследство слабеющей Османской империи. Оба указанных подхода имеют право на существование. Действительно, турецкая угроза сыграла большую роль в становлении европейской подсистемы международных отношений и формировании европейской идентичности⁵. В любом случае, в последней трети XVIII в. ситуация в этом противостоянии резким образом изменилась (о чём будет сказано ниже), что позволяет говорить о качественно новом его этапе. Но поскольку в международной практике, начиная с первых лет XIX в., а затем в историографии и публицистике «Восточный вопрос» связывался преимущественно с проблемой распада Османского государства, мы будем придерживаться этого традиционного определения проблемы, ограничив её 1774–1923 гг.

Не пришли исследователи к единому мнению и в понимании географических рамок проблемы. Характерной чертой исторических традиций различных стран – участников «Восточного вопроса» – является акцент при его определении на зону собственных интересов. Так, для англо-французской историографии основная география «вопроса» лежит в районе Северной Африки, Леванта и Малой Азии (для части английской – даже шире: сюда включают весь Средний Восток, т.е. Афганистан, Иран и Среднюю Азию), для дореволюционной русской, советской, современной российской и болгарской – в области Балкан и черноморских проливов⁶. В целом, видение географии «Восточного вопроса» обусловлено, прежде всего, его европейской направленностью и сосредоточено вокруг проблем раздела «наследства» вступившей с конца XVIII в. в стадию распада Османской империи⁷. В концентрированном виде определение его предложено, например, Р. Геновым. «Восточный вопрос, – отмечал он, – термин, который обозначает комплекс проблем, связанных с упадком и крахом Османской империи и с её наследством, занимает центральное место в системе международных отношений в Европе в течение двух веков»⁸.

Тем не менее, часть исследователей обращает внимание на то, что обозначенная международная проблема имела и «восточный фланг»⁹. Не подвергая сомнению вопрос о разделе «османского наследства», в своих работах они указывают, что события в Закавказье и на восточных границах Оттоманской Порты также следует рассматривать как неотъемлемую часть «Восточного вопроса». Такой подход представляется более соответствующим исторической истине.

Целью нашей статьи является попытка показать, что «Восточный вопрос» имел более широкие географические рамки и политическое наполнение, и его нельзя ограничивать исключительно проблемами Балканского полуострова, черноморских проливов и борьбы в Средиземноморье. В качестве иллюстрации данного тезиса нами будет рассмотрено место Персии в контексте «Восточного вопроса».

Европоцентризм большинства исследований объясним тем, что для европейских держав, начиная с XV в., борьба с османской (или исламской) угрозой стала одной из важнейших. В Европе же развернулось и широкое исследование проблемы. Европейское её видение создало парадигму, которая до сих пор оказывает влияние на историографию. Однако важной составляющей «Восточного вопроса» были не только борьба европейских держав за контроль над землями ослабевшей империи в её западной и центральной частях. Ситуация на северо-востоке и востоке имела также немалое значение. Содержание «Восточного вопроса» до некоторой степени искусственно сконцентрировано европейскими политиками, публицистами и историками вокруг Балканского полуострова. Это объясняется тем, что основные события на протяжении всего XIX и начала XX в. постепенно переместились на северо-запад географической зоны «Восточного вопроса». К тому же, с последней трети XVIII в. для западных держав (особенно Великобритании) актуальным становится вопрос сдерживания продвижения России в район Средиземноморья. «Русский фактор» в формировании «Восточного вопроса» как в теории, так и

на практике, сыграл большую роль¹⁰. Автор статьи для «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» вполне обоснованно заметил, что «в глазах большей части западноевропейских государств вопрос сводится к тому, чтобы в собственных их интересах препятствовать увеличению могущества России»¹¹. Поэтому не может вызывать удивления определение проблемы, данное немецким историком второй половины XIX – начала XX в. О. Егером, чьи произведения пользовались популярностью в дореволюционной России. «Под этим вопросом понимали в Западной Европе, – писал он, – завоевательные планы России и возможность препятствовать им»¹². Искусственное нагнетание негативного отношения к внешней политике империи Романовых в Балканском регионе и на Кавказе¹³ различными средствами массовой пропаганды также сыграло значительную роль в актуализации указанной части «Восточного вопроса», который в сознании поколений обывателей, части политиков и даже историков стал прочно ассоциироваться с событиями вокруг Балканского полуострова. Для великих европейских держав под-сознательно или прямо «Восточный вопрос» заключался даже не столько в том, чтобы овладеть частями Османской империи, сколько не дать сделать этого России. И причины тому были довольно весомые.

Здесь важно отметить идеологический (или уже – религиозный) фактор, игравший важную роль в конструировании и развитии «Восточного вопроса». В трудах многих авторов и во взглядах современников «Восточный вопрос» представлялся как противостояние христианства и ислама. Конечно, в отношении людей, руководивших политикой держав-участниц проблемы, значение религиозных мотивов не следует преувеличивать. Классическим доказательством тому служит Восточная или Крымская война 1853–1856 гг.¹⁴. Однако на уровне массового сознания религиозные лозунги имели большое мобилизующее значение. Они же использовались политиками как ширма для прикрытия, оправдания или легитимации своих действий в «Восточном вопросе». С момента падения Константинополя (или Царьграда, как называли ещё этот город в России) в 1453 г. наследие византийских императоров стало оспаривать несколько монархов. В их числе были французский, австрийский (Священной Римской империи)¹⁵, русский. И даже османских владык именовали султанами Рума¹⁶. Этот статус давал им легитимное право на контроль над христианскими подданными, а, следовательно, право претендовать на новые территории. К тому же, под властью мусульманских правителей оказались христианские святыни, в частности Иерусалим. Всё это стимулировало борьбу европейцев с Османами, а раскол в христианской церкви привел к разединению сил христианских государств, вызвав стремление доказать и утвердить первенствующее положение той или иной конфессии в виде права покровительства христианским подданным султана и контроля над Святыми местами. В концентрированном виде всё это проявилось в период Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг.¹⁷.

В рассматриваемый нами период «Восточный вопрос» прагматизировался. Религиозные мотивы оставались важными для простого населения, особенно в Османской империи и странах догоняющего развития – России и Австрийской империи (Австро-Венгрии). Однако политики с течением времени демонстрировали в развитии проблемы больше прагматизма, нежели идеализма. В первую очередь это относится к Великобритании, для представителей которой собственные выгоды изначально стояли выше любых религиозных мотивов¹⁸. Прагматизм по отношению к «Восточному вопросу» доминировал и в политике Германской империи¹⁹. Тем не менее, внешнее религиозно-цивилизационное обрамление оставалось важным легитимирующим и мобилизующим фактором. И с точки зрения внешних, формальных доводов, Российская империя имела больше прав на Константинополь и покровительство христианам, нежели другие государства. Религиозно-философская и политическая идея «Москва – третий Рим» с момента её появления в XVI в.²⁰ стала активно пропагандироваться внутри России и широко использоваться на юго-восточном и восточном направлениях внешней политики Москвы, а затем Санкт-Петербурга, для обоснования особого религиозно-политического значения России как преемника Римской (Византийской) империи.

В среде образованной части российского общества в XIX в., когда стал активно использоваться сам термин, сформировались несколько подходов к пониманию «Восточного вопроса» (которые нашли продолжение в историографической имперской, советской и постсоветской традициях)²¹. Однако для значительной части славяно-православного насе-

ления империи Романовых «Восточный вопрос» являлся основой мессианских представлений о роли и значении России и представлялся (хотя и не всегда выражался этим термином) вопросом «восстановления единства византийской православной цивилизации и возвращения её исторического центра, Константинополя»²². «Надежда, пожалуй, шагнуть ещё за Балкан и завоевать самый Царьград, – писал, например, в своих воспоминаниях российский офицер, участник войны с Турцией 1828–1829 гг. Ф. Ф. Торнау, обобщая свои наблюдения относительно мотивации солдат русской армии, – эта задушевная мысль русского народа, действовали обаятельно на солдата, заставляя его забывать труды и горе»²³.

Как верно резюмировала болгарская исследовательница Н. Дюлгерова, во внешней политике империи Романовых в отношении османского соседа были две темы для проектов и планов – Проливы и Балканы²⁴. Восприятие многими в России (царской, советской и современной) «Восточного вопроса» сквозь призму балканских проблем объясняется как естественными внешнеполитическими задачами создания удобных географических границ и обеспечения их безопасности, благоприятных условий для развития внешней торговли, так и факторами идеологического характера – единой религией, славянским происхождением, миссией великой державы²⁵. «Вопрос этот, – писал исследователь имперского времени С. Жигарев, – ... в том смысле, в каком он обыкновенно употребляется по отношению к Турции и подвластным ей христианским народностям, возник для нас, сильнеешего славянского и православного народа, с момента падения Византийской империи и образования на её развалинах мусульманского царства и представляет для России трудную и сложную задачу, состоящую в том, чтобы обеспечить собственные материальные интересы на Востоке, связанные с полной свободой пользования водами Чёрного моря для русского торгового и военного флота и помочь своим восточным единоверцам и единоплеменникам в их борьбе с мусульманством за национальное и религиозное самосохранение, вывести их из турецкого порабощения и ввести в семью культурных европейских народов»²⁶. В этой цитате в концентрированном виде были собраны большинство реальных и воображаемых идеологических мотивов, которые вдохновляли политику России в «Восточном вопросе» и само его господствующее понимание.

Естественно, все это не могло не вызывать опасений со стороны других европейских держав, тем более, что славянские народы Османской империи (особенно православные) в основной массе своей были настроены на сотрудничество с Санкт-Петербургом и видели в России свою защитницу и покровительницу²⁷. Поскольку подавляющее большинство их проживало на территории Балканского полуострова, вполне понятно, почему основное содержание «Восточного вопроса» стало концентрироваться вокруг указанной зоны.

Однако такое видение обедняет проблему и делает её до некоторой степени искусственной. Более широкую панораму «Восточного вопроса» предложил российский историк В.И. Шеремет²⁸. Он выделил три «болезненных точки» – Балканы, Левант²⁹ и черноморские проливы. Однако полностью с такой географией сложно согласиться. Борьба России, Османской империи и Персии за Кавказ и Закавказье, ирано-османские противоречия играли важную роль в течение всего существования «Восточного вопроса». Недаром русско-турецкие войны велись на двух сухопутных направлениях – европейском и азиатском (на Кавказе)³⁰, а русско-иранские противоречия тесно увязывались правительствами великих держав с русско-османскими. Показательным в этом плане является англо-французское соперничество за Персию в начале XIX в.³¹

Близка к позиции В. И. Шеремета и география проблемы, предложенная В. А. Котельниковым. «Под так называемым “Восточным вопросом”, – считал он, – подразумевается комплекс геополитических и этнокультурных проблем, связанных с балкано-малоазиатским регионом, отчасти с Кавказом, и определявших на протяжении XVIII–XX веков сферу военной, дипломатической, идеологической активности ведущих европейских стран – России, Австрии, Франции, Англии, Германии, а также Турции»³². Однако, даже в этом, одном из наиболее удачных, определений «Восточного вопроса», отсутствуют Магриб³³, большая часть которого находилась долгое время под властью османов и стала объектом борьбы европейских держав в XVIII–XIX вв., а также Египет и Ливия.

«Восточный вопрос» в действительности представлял собой комплекс противоречий европейских государств (цели которых не оставались постоянными с течением времени) вокруг «оттоманского наследия» на трёх континентах – в Европе, Азии и Африке³⁴. Причём «игроками» в нём были не только великие державы Европы, но и государства

Азии³⁵. Указанная проблема была в разное время тесно связана с другими – борьбой за колониальный раздел Африки, англо-русским соперничеством на Среднем Востоке, конкуренцией за преобладание в европейских делах и пр. Она также была «осложнена» борьбой различных общностей (этнических, религиозных и пр.) за освобождение из-под власти османского султана и между собой. В рамках «Восточного вопроса» великие державы использовали эту борьбу в своих целях, но и указанные сообщества сотрудничество с европейскими и азиатскими соперниками Блистательной порты стремились «приложить» к своим собственным интересам, поэтому «часто выступали в роли инициаторов конфликтов, которые решались уже силами великих держав»³⁶.

По нашему мнению, «Восточный вопрос» – условное наименование³⁷ сложносоставной международной проблемы, включавшей в себя ряд «подвопросов», имевших автономное (а иногда самостоятельное) значение, и находившейся в тесной взаимосвязи с другими относительно независимыми «вопросами» международных отношений в Европе и Азии. Центральное звено «Восточного вопроса» составлял «Балканский вопрос» – борьба великих держав за контроль над Балканским полуостровом, накладывавшаяся на национально-освободительное движение местных народов и борьбу между ними за первенство в регионе. Об этом свидетельствует то, что до сих пор «Восточная проблема» ограничивается в исследованиях и публицистике изложением борьбы за Балканы и черноморские проливы Босфор и Дарданеллы.

Однако существовали и другие территории Османской империи, на которые претендовали европейские державы. Вокруг них сформировались «Средиземноморский вопрос» (соперничество за господство в Средиземном море и на его побережье), «Арабский вопрос» (борьба арабов за независимость от османских правителей). В рамках «Восточного вопроса» следует рассматривать и «Кавказский вопрос», который зачастую развивался автономно от событий на Балканском полуострове. Борьба за Кавказ в XIX в. была неотъемлемой составляющей русско-османско-персидских отношений, а также соперничества крупных европейских государств за влияние в Оттоманской Порте³⁸.

Нельзя полностью согласиться с авторами монографии «Восточный вопрос во внешней политике России», отрицавшими принадлежность «Кавказского вопроса» к сфере «Восточного вопроса», и утверждавшими, что включение в последний стран Среднего Востока (Ирана, Афганистана и Индии) делает проблему «необозримой и лишает возможности определить её существо» и «неизбежно ведёт к постановке новых проблем, непосредственно не связанных с Турцией»³⁹. Напротив, такая постановка обедняет действительное содержание «Восточного вопроса», делает его изучение неполноценным и однобоким. Ведь объективно события в рамках указанной проблемы разворачивались не только в различных регионах, связанных с Османской империей, но и на значительном международном фоне. Нам представляется, что сам «Восточный вопрос» следует рассматривать в контексте более широкой проблемы – борьбы великих европейских держав за контроль над регионом Ближнего и Среднего Востока⁴⁰. В XVIII – начале XIX в. главными антагонистами были Англия и Франция, с последней трети XVIII до начала XX в. – Англия и Россия, а с конца XIX до начала XX в. – Англия и Германия.

Плотно в канву «Восточного вопроса» был вплетён и т.н. «Персидский вопрос», связанный с борьбой великих европейских держав за преобладание в Иране. Борьба эта, как отмечал советский исследователь Л. С. Семёнов, «была связана как с борьбой в Турции, так и с борьбой за позиции на Кавказе и в Средней Азии, а для Англии также и в Индии»⁴¹. Европейские государства традиционно пытались использовать Иран как противовес Османской империи. Это облегчалось османско-иранскими противоречиями на религиозной и территориальной почве. «Персидский вопрос» хотя и являлся самостоятельной проблемой в международных отношениях, тем не менее находился в «сцепке» с «Восточным вопросом». Персидско-турецкие территориальные споры Англия, Франция и Россия активно использовали в своих интересах, в том числе и в своих делах относительно Турции.

Иран с XVI в. тесно включается в политику европейских держав, связанную с противостоянием Османской империи⁴². В нём искали, прежде всего, союзника для борьбы друг с другом, а также для отвлечения сил Порты с европейского театра. Это было вполне достижимо в силу той религиозной и политической вражды, которая существовала между Сефевидским государством и османами. Она объяснялась различиями в вероисповедании

(значительная часть персов были шиитами, шиизм был объявлен государственной религией, в то время, как Османское государство было преимущественно суннитским; при этом шииты и сунниты взаимно рассматривали друг друга как еретиков) и соперничеством за пограничные территории от Кавказа до Персидского залива.

В XIX в. (особенно в первой половине) Персия сохраняла значение для европейских держав теперь уже в рамках борьбы за «наследство» османов. Желание англичан, французов и русских взять под контроль её вооружённые силы и внешнюю политику для того, чтобы использовать в борьбе друг против друга, в первой половине XIX в. приносило определённые плоды⁴³. При этом иранское правительство стремилось проводить внешнюю политику на западных и северо-западных границах в собственных интересах, играя на противоречиях европейских государств.

С установления в конце XVIII в. в Персии власти новой династии – Каджаров – между ней и Османской империей начались трения вокруг границ⁴⁴ и контроля над курдскими племенами⁴⁵. Во многом они были «отголосками» когда-то острого осmano-сефевидского противостояния. Однако противоречия между соседними государствами нельзя сводить только к пограничным проблемам⁴⁶. Важную роль в них играл духовный фактор межконфессиональной борьбы суннитов и шиитов. Источники свидетельствуют⁴⁷ о большом накале вражды между представителями двух главных течений ислама как на уровне межгосударственном, так и внутристрановом⁴⁸. Именно этим объяснялись провалы попыток создания широкого союза исламских государств, предпринимавшиеся, в частности, Англией против России в первой трети XIX в., а затем перед русско-турецкой войной 1877–1878 гг.⁴⁹. Если отдельные правители, возможно, и были не против презреть вражду к «еретикам», то их подданные в большинстве своём такой позиции не разделяли.

На бытовом уровне антагонизм был настолько силён, что влиял на политику правящих кругов. Последнее особенно касалось Ирана. Дело в том, что правители новой династии должны были утверждать свои права на престол, выступая защитниками «истинной веры». В Османской империи власть султана фактически никем не оспаривалась, так как он считался законным и религиозным, и светским главой мусульман⁵⁰. Иран был страной, где большинство населения исповедовало шиизм. Особенностью религиозно-политической доктрины шиизма является то, что легитимное право на власть над правоверными (имамат) имеют лишь потомки зятя пророка Мухаммада Али (Алиды). Поскольку двенадцатый имам, согласно легенде, в IX в. исчез, чтобы впоследствии появиться в виде мессии, его функции временно выполняют улемы и моджтехиды – религиозные исследователи, богословы⁵¹. Отсюда вытекала большая власть над верующими шиитского духовенства и отсутствие стойкой опоры для шахского режима в стране. Если Сефевиды вели своё происхождение от седьмого имама, то сменявшие их династии такой «привилегии» не имели и рассматривались как узурпаторы⁵². Фактически, Каджарская династия также считалась таковой. Поэтому авторитет её и происходивших из неё правителей в глазах шиитского населения и духовенства во многом зависел от того, насколько ревностно они отстаивают шиитские догматы.

Пограничные конфликты также отчасти объяснялись конфессиональной рознью: под властью суннитского султана находились святыне для шиитов места Кербела, Неджеф, Самарра, Аскаррия⁵³. На этот фактор накладывали отпечаток личные амбиции правителей обеих государств, стремившихся прославиться как истинные ревнители веры и борцы с «еретиками», с одной стороны, и получить контроль над возможно большей территорией исламского мира – с другой. Для султанов главным идеологическим мотивом, стимулировавшим завоевания в мусульманском мире, служил тезис об искоренении рафизитства-шиизма. Правители Ирана в XIX в. также вынуждены были учитывать религиозные взгляды своих подданных в силу указанных причин, даже не являясь яркими сторонниками искоренения «ереси». Отсюда – такое же стремление придать религиозную окраску собственным завоевательным планам. Основной целью шахов Каджаров (в частности, ага Мохаммад-шаха, наследника престола при Фатхали-шахе Аббаса-мирзы, молодого Насреддин-шаха) было стремление восстановить империю Надир-шаха Афшара (правил в 1736–1747 гг.)⁵⁴. В реализации этой цели соперником выступала Османская империя, правители которой, как уже говорилось, претендовали на главенство над всеми мусульманами. Следствием стало постоянное противостояние между соседними державами, как на пограничье, так и в различных районах мусульманского мира⁵⁵. А это создавало для европейских го-

сударств хорошую почву для использования Каджарской империи в «Восточном вопросе» в собственных целях (либо наоборот – порождало стремление не допустить такого использования державой-противником). Тем более, что у персидских монархов имелись территориальные претензии к западному соседу.

Но с середины XIX в. Иран превратился в рамках «Восточного вопроса» во второстепенную державу, которая не способна была проводить независимую линию. Связано это было, прежде всего, с экономической неконкурентоспособностью Персии в сравнении с ведущими державами Европы и слабостью политической структуры страны. Иран уступал и своему западному соседу-антагонисту. Ещё ирано-турецкая война 1821–1823 гг., несмотря на успехи шахских войск, подтвердила неспособность Каджарской империи вести активную внешнюю политику и добиться военного преимущества даже над своими азиатскими соседями⁵⁶. Российский военный аналитик и историк А. М. Колубакин, говоря о Гератском походе 1837–1838 гг.⁵⁷, небезосновательно отмечал, что «экспедиция эта ... погубила лучшие войска Персии, с того времени уже не поднимавшиеся до той высоты, до которой они были доведены Аббас-мирзой⁵⁸. Дальнейшая история персидского оружия ещё более бесславна⁵⁹.

В конце XVIII – первой трети XIX вв. русско-иранские отношения носили конфликтный характер. Это объяснялось борьбой за влияние на Южном Кавказе (связанной во многом с личными амбициями первых Каджаров) и межрелигиозной рознью. Однако после окончания войны 1826–1828 гг. и урегулирования вопроса о разграблении и уничтожении русской дипломатической миссии в 1829 г.⁶⁰ конфликтность между государствами постепенно идёт на спад. Мухаммад-шах (правил в 1834–1848 гг.) и Насреддин-шах (правил в 1848–1896 гг.), получившие от русских поддержку в борьбе за престол, проводили в целом миролюбивую политику по отношению к северному соседу⁶¹. Но, несмотря на отсутствие с начала 1830-х гг. ярко выраженного антагонизма в русско-иранских отношениях, определённую опасность для России в случае войны с Турцией Каджарская монархия представляла. «Сколь немало опасен для нас отряд необученного войска, – писал наместнику на Кавказе М. С. Воронцову русский консул в Тебризе (Тавризе) Н. А. Аничков, – но всё же по неизвестности намерений персидского правительства и опасению вероломства с его стороны оно может заставить нас отвлечь на здешнюю границу часть наших сил, действующих против Турции»⁶². Возможно, именно поэтому среди российских правящих кругов и военных постепенно всё большую силу приобретает мнение о необходимости контролировать некогда могучего соседа. Методы контроля и задачи в течение века менялись, соотносьсь с международными целями царского правительства. Однако с 1830-х гг. между Россией и Ираном начинает развиваться такое явление, как военное сотрудничество⁶³. До 1850-х гг. оно не было связано с делами «Восточного вопроса», по крайней мере, прямо.

В 1850-х гг. место Персидской державы в «Восточном вопросе» изменяется существенно⁶⁴. Если в первой трети века она служила угрозой для России, то теперь Россия пытается (и безуспешно) использовать Тегеран в своих целях. И эта тенденция в дальнейшем не исчезает, а продолжает усиливаться⁶⁵. Война 1877–1878 гг. выделила еще одну тенденцию, которая чётко прорисовывалась на протяжении 1850-х–1870-х гг. – резкое снижение роли Ирана в «Восточном вопросе» в сравнении с первой половиной века не только как самостоятельного игрока, но и как фигуры в руках великих европейских держав. Главной причиной этого нам видится прогрессирующий внутренний упадок страны, чье развитие в крепкое, по меркам традиционного общества, государство было остановлено и законсервировано внешним вмешательством.

¹ *Георгиев, В. А.* Англо-американская историография восточного вопроса // Вопросы истории. – 1968. – № 3. – С. 172–181; *Достян, И. С.* Основные этапы и особенности политики России на Балканах с последней трети XVIII в. до 1830 г. // Международные отношения на Балканах. М.: Наука, 1974, с. 5–38; *Костяшов, Ю. В.* Восточный вопрос в международных отношениях во второй половине XVIII – начале XX вв. / Ю. В. Костяшков, А. А. Кузнецов, В. В. Сергеев, А. Д. Чумако. Калининград: Изд. Калининградского ун-та, 1997, с. 3–4; *Силин, А. С.* Восточный вопрос // Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1963, с. 743–748; *Сеніна, Л.* Поняття «Східне питання» у сучасній англомовній історіографії // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. – 2011. – Серія «Історичні науки». – № 8. – Вип. 87. – С. 272–275; *Шеремет, В. И.* Восточный вопрос в эпоху Крымской войны. – URL: <http://www.fap.ru/index>.

[php?nt=news&id=9895](http://www.larousse.fr/encyclopedie/divers/Orient/136304) (дата обращения: 17.03.2013); *Anderson, M. S.* The Eastern Question, 1774-1923: A Study in International Relations. – London: Macmillan, 1966, 440 p.; Question d'Orient. – URL: <http://www.larousse.fr/encyclopedie/divers/Orient/136304> (дата обращения: 17.03.2013).

² *Дебидур, А.* Дипломатическая история Европы: В. 2 т. Т. 1. П/Д.: Феникс, 1995, с. 158–186; *Шнаро, О. Б.* Освобождение Греции и Россия (1821–1829). М.: Мысль, 1965, с. 127–128, 151–152.

³ В рамках различных историографий начальным рубежом определяются также 1683 г. (поражение османской армии под Веной от войск Священной лиги), 1695–1696 гг. (Азовские походы российского царя Петра I), 1699 г. (подписание Карловицкого мира между Габсбургской империей, Речью Посполитой и Венецианской республикой с одной стороны и Османской империей с другой), 1718 г. (между Австрией и Венецией с одной стороны и Османской империей с другой стороны в городе Пожареваце заключён Пожаревацкий/Пассаровицкий мир), 1815 г. (окончание Венского конгресса).

⁴ Существуют и ещё более расширенные вариации понятия, как-то: борьба славянского и германского начала, Европы с Россией и т.п. О них будет сказано отдельно. Здесь же заметим, что указанные варианты носят скорее умозрительный, публицистический или идеологический характер, «размывают» «Восточный вопрос» и не могут быть приняты в качестве основы для исторического исследования.

⁵ *Нойманн, И.* Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004, с. 71–98.

⁶ Красноречивым примером последней служит статья «Восточный вопрос» в «Военной энциклопедии», где определение проблемы чётко связывается с составляющими, приоритетными для России (Военная энциклопедия. Т. 7. СПб.: Товарищество И. Д. Сытина, 1912, с. 70–74). Историография «Восточного вопроса» довольно обширна. Её обобщённый анализ см.: *Асташин, В. В.* Восточный вопрос в зарубежной и отечественной историографии // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы VI международной конференции. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003, с. 7–14; *Боднар, Э.* Изучение Восточного вопроса и Балкан в российской исторической науке // Региональные школы русской историографии (сборник докладов международной конференции, организованной Центром русистики Будапештского государственного университета им. Лоранда Этвеша, 29–30 мая 2006 г.). Будапешт: Russica Pannonicana, 2007, с. 160–168; *Гончаренко, А. В.* Британська історіографія британсько-російських відносин у Східному питанні в 70–80-х рр. XIX ст. – URL: <http://vuzlib.com/content/view/1892/25/> (дата обращения: 17.03.2013); *Сеніна, Л.* Особливості витоків концепцій Східного питання в англійській історіографії другої половини XX ст. // Сіверянський літопис. – 2011. – № 5. – С. 99–104; її ж. Поняття «Східне питання» у сучасній англійській історіографії // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. – 2011. – Серія «Історичні науки». – № 8. – Вип. 87. – С. 272–275. Наиболее значимые работы: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX вв. М.: Наука, 1978, 434 с.; *Базилевич, К. В.* О Черноморских проливах (Из истории вопроса). М.: Б.и., 1946, 28 с.; *Гаврилов, Б.* Источният въпрос в дипломатически документи, спомени на политически дейци и материали от периодичния печат на епохата. София: УИ «Св. Климент Охридски», 1995, 272 с.; *Генов, Г.* Источният въпрос. Политическа и дипломатическа история. Ч. 1. София: ИК АИ «Проф. Марин Дринов», 2008, 306 с.; Ч. 2. 500 с.; *Добров, Л.* Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1879, 643 с.; *Дюлгерова, Н.* Руски щрихи към източния въпрос (1894–1904). София: АИ «Проф. Марин Дринов», 1999, 271 с.; *Жигарев, С. А.* Русская политика в восточном вопросе (её история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи). Историко-юридические очерки. Т. 1. М.: Университетская типография, 1896, 485 с.; Т. 2, 544 с.; *Йелавич, Б.* История на Балканите: XVIII–XIX век. Т. 1. София: Агат-Ах, 2003, 412 с.; Т. 2, 471 с.; *Машевский, О. П.* Проблема черноморских проливов у міжнародних відносинах (1870 – початок 1920-х рр.). – К.: Аквілон-Плюс, 2010, 792 с.; *Петрунина, Ж. В.* «Восточный вопрос»: понятие и основные этапы // Преподавание истории в школе. – 2007. – № 4. – С. 28–32; Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М.: Международные отношения, 1999, 560 с.; Сто лет австрийской политики в Восточном вопросе / Сост. Я. Н. Бутковский. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского издательского товарищества Генри Ханковский и Ко, 1888, 188+214 с.; *Стрельцов, Р.* Россия, Царьград и проливы: материалы и извлечения. – Пг.: Кн-во Прометей, Н. Н. Михайлова, 1914, 134 с.; *Татищев, С. С.* Из прошлого русской дипломатии. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1890, 582 с.; *Уляницкий, В. А.* Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М.: Тип. А. Гатцули, 1883, 484+CCLVII с.; *Успенский, Ф. И.* История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос. М.: Мысль, 1997, с. 643–823; *Фадеев, Р. А.* Собрание сочинений. Т. 2: Вооруженные силы России. Наш военный вопрос. Восточный вопрос. СПб.: Тип. В. В. Комарова, 1889, с. 243–327; *Чихачёв, П. А.* Великие державы и Восточный вопрос. М.: Наука, 1970, 224 с.; *Шкляж, И. М.* Восточный вопрос во внешней политике европейских государств и России (конец XVIII – начало XX в.) / И. М. Шкляж, В. Н. Миргородский, С. Г. Долженко. Николаев: Ризо-графика, 2003, 127 с.; *AnceI, J.* Manuel historique de la question d'Orient (1792-1926). Paris: Délagrave, 1927, 346 p.; *Anderson, M. S.* The Eastern Question, 1774-1923: A Study in International Relations. London: Macmillan, 1966, 440 p.; *Bitis, A.* Russia and the Eastern Question: Army, Government and Society, 1815-1833. Oxford; New York: Oxford University Press for The British Academy, 2006,

540 p.; *Cahuet, A.* La question d'Orient dans l'histoire contemporaine (1821-1905). Paris: Dujarric, 1905, 537 p.; *de Lamartine, A.* La Question d'Orient: Discours et articles politiques (1834-1861) / A. de Lamartine, H. Laurens, S. Basch. Paris: André Versaille Editions, 2011, 405 p.; De la politique anglo-française dans la question d'Orient. Bruxelles: M. Hayez, 1854, 80 p.; *de Lima, J. M.* La question d'Extrême-Orient vue par la diplomatie française (1894-1904). Paris: s.n., 1975, 694 p.; *Dennis, A. L. P.* Eastern Problems at the Close of the Eighteenth Century. Cambridge: University Press; 1901, 277 p.; *Driault, É.* La question d'Orient, 1918-1937: La paix de la Méditerranée. Paris: Imprimerie des Presses universitaires de France, 1938, 538 p.; *Geblesco, C. R.* La question d'Orient et son caractère économique. Paris: Perrin et cie., 1904, 541 p.; *Karcic, F.* The Eastern Question – A Paradigm for Understanding the Balkan Muslims History in the 20th Century // *Islamic Studies*. – 2002. – Vol. 41. – № 4. – P. 635-650; *Ković, M.* Disraeli and the Eastern Question. Oxford University Press, 2010, 339 p.; *Fourcade, M.* (Raymond-Henri) Notice sur la question d'Orient et sur la possession d'Alger. Paris: Delaunay, 1836, 860 p.; *Jérôme, L.* La question d'Orient sous Louis-Philippe. – URL: <http://hal.archives-ouvertes.fr/docs/00/55/19/06/PDF/THESE.pdf> (дата обращения: 17.03.2013); La question d'Orient. – URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/le-ministere/archives-et-patrimoine/expositions/expositions-diverses/napoleon-iii-et-l-europe-le-article/la-question-d-orient> (дата обращения: 17.03.2013); *Marriot, J. A. R.* The Eastern Question: An Historical Study in European Diplomacy. Oxford: Clarendon Press; 1940, 456 p.; *Morkva, V.* Russia's policy of rapprochement with the Ottoman Empire in the era of the French Revolutionary and Napoleonic Wars, 1792-1806. Ankara: The Department of International Relations, Bilkent Univ., 2010, vii, 390 p.; *Pinon, R.* L'Europe et L'Empire ottoman: Les aspects actuels de la question d'Orient. Paris: Perrin et cie, 1909, 603 p.; *Sabry, M.* L'Empire égyptien sous Mohamed Ali et la question d'Orient (1811-1849). Égypte-Arabie-Soudan-Morée-Crète-Syrie-Palestine. Histoire diplomatique d'après des sources privées et des documents inédits recueillis aux Archives du Caire, de Paris, de Londres et de Vienne. Paris: P. Geuthner, 1930, 605 p.; *Sowards, S. W.* Twenty-Five Lectures on Modern Balkan History: the Balkans in the age of nationalism. – URL: <http://staff.lib.msu.edu/sowards/balkan> (дата обращения: 17.03.2013). Как уже отмечалось, в рамках различных историографий существуют и очень расширенные трактовки границ «Восточного вопроса» как борьбы Европы и Азии, цивилизации и варварства, германства и славянства и пр. (*Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к греко-романскому. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1888, 557 с.; *Кулиш, П. А.* Восточный вопрос и Задунайская славянина перед глазами московского царя Михаила Федоровича // Журнал Министерства народного просвещения. 1878. Вып. 2. Ч. 195. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1878, 112 с.; *Нарочницкая, Н. А.* Россия и мировой Восточный вопрос. – URL: <http://narochnitskaia.ru/> (дата обращения: 17.03.2013); *Нарочницкая, Н. А.* Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003, с. 147–168; Россия и «восточный вопрос». Русская доктрина / Под общей редакцией А. Б. Кобякова и В. В. Аверьянова. – URL: <http://www.rusdoctrina.ru/page95630.html> (дата обращения: 17.03.2013); *Соловьёв, С.* История падения Польши. Восточный вопрос. М.: АСТ; Астрель, 2003, с. 305–365; *Loucas, L.* La question d'orient et la géopolitique de l'espace européen du sud-est. – URL: <http://www.cairn.info/revue-guerres-mondiales-et-conflits-contemporains-2005-1-page-17.htm> (дата обращения: 17.03.2013); *Geisser, V.* Derrière la «nouvelle question d'Orient» une certaine idée de l'Europe. – URL: http://documents.irevues.inist.fr/bitstream/handle/2042/14736/HERMES_1999_23-24_225.pdf (дата обращения: 17.03.2013); *Mayer, M. Z.* The Eastern Question Unresolved: Europe, the US, and the Western Balkans // *International Journal*. – Winter 2004/2005. – Vol. 60. – № 1. – P. 238–241). Они носят полемико-публицистический характер и находятся в стороне от «магистральных» определений, поэтому глубоко рассматривать их мы не будем. Отметим лишь, что интуитивно авторы таких трактовок чувствовали общий международный фон, на котором разворачивались события проблемы (хотя воспринимали его по-разному), поэтому выводы, содержащиеся в их публикациях, не следует полностью отбрасывать.

⁷ См., напр., определения: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX вв. М.: Наука, 1978, с. 5; *Гулиа, Д. Г.* К истории восточного вопроса: русско-турецкая война 1806–1812 гг. и Англия. Сухуми: Алашара, 1978, с. 4; *Силин, А. С.* Восточный вопрос // Советская историческая энциклопедия. Т. 3. М.: Советская энциклопедия, 1963, с. 743–748.

⁸ *Генов, Р.* Дипломатическая история на Источнага криза 1875–1877 г. и българите <http://www.nbu.bg/PUBLIC/IMAGES/File/departamenti/istoriq/3.pdf> (дата обращения: 17.03.2013).

⁹ *Дегоев, В. В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. М.: SPSP – Русская панорама, 2001, с. 7–155, 310–322; *Дегоев, В. В.* Кавказ и великие державы. 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом Рубежи–XXI, 2009, с. 171; *Игамбердыев, М. А.* Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд: Изд-во САГУ, 1961, 298 с.; *Семёнов, Л. С.* Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963, с. 3–4; *Сидо, Камаль Сидо.* Россия и «восточный вопрос» в историографии стран Ближнего Востока и Среднего Востока: конец XVII в. – 70-е годы XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989, 16 с.; *Argyll, G. D. C.* The Eastern question from the Treaty of Paris 1836 to the Treaty of Berlin 1878 and to the Second Afghan War. London: Strahan, 1879. – Vol. 1. – 30+426 p., Vol. 2. – 520 p.; *Macfie, A. L.* The Eastern Question 1774-1923 (Seminar Studies in History).

London and New York: Longman, 1996, 7+141 pp. В английской исторической традиции «Восточный вопрос» ограничивается (помимо европейских владений Османской империи) рамками Ближнего Востока. Однако последний имеет несколько иное наполнение, чем его русский аналог. Термин “Near East” («Ближний Восток»; применялся первоначально по отношению к владениям османского султана) и синонимичный ему “Middle East” («Средний Восток»; используется с 1850-х гг.) включали и включают в себя не только территории Османской Порты, но и Иран, Афганистан и часть индийских владений британской короны – современный Пакистан (второй вариант – Иран и страны Центральной Азии и Кавказа) (см. статьи «Ближний Восток», «Средний Восток» на сайте <http://ru.wikipedia.org>, “Middle East”, “Near East” на сайте <http://en.wikipedia.org>). Отсюда – два подхода в определении географических границ. Тем не менее, в целом, в европейской историографии доминирует понимание «Восточного вопроса» как комплекса противоречий, ограниченных рамками владений стамбульского халифа. Иран и Кавказ (как Северный, так и Южный) выпадают из географических рамок проблемы, либо включаются в неё в качестве вспомогательных. Для русскоязычной историографии характерна относительная неопределённость в ограничении понятий «Ближний» и «Средний Восток», поскольку оба они были заимствованы из английского языка. Отсюда появление таких квазирегионов как «Большой Ближний Восток», «регион Ближнего и Среднего Востока». В то же время выработано и разделение (основанное опять-таки на английской традиции), согласно которому Ближний Восток – это владения Османской империи, а Средний Восток – Иран и страны Центральной Азии (прежде всего Афганистан и североиндийские земли; в разных трактовках сюда включают или не включают т.н. «среднеазиатские» государства и общества, попавшие в зависимость от Российской империи). Отсюда вытекает рассмотрение «Восточного вопроса» в рамках борьбы на Ближнем Востоке, но с акцентом на Балканский полуостров и черноморскую зону.

¹⁰ Достаточно сказать, что принята большинством историков за точку отсчета дата начала проблемы – 1774 г., связан с резким успехом России в противостоянии с Османской империей и соответствующим ростом опасений европейских политиков (особенно в Великобритании), что в их борьбу включится новая сила, явно способная разрушить все планы контроля над слабевшим султанским государством (*Георгиева, С. Договоры от Кючук Кайнарджа между Русия и Турция. // Научни трудове на Русенския университет. Т. 48, серия 6. 2, 2009, с. 251–256; Георгиева, С. Кючук-кайнарджанский мирен договор – същност и значение. // Научни трудове на Русенския университет. Т. 48, серия 10, 2009, с. 50–54*). К слову, вопрос о разделе «османского наследства» поднимался и до 1774 г. (*Кочубинский, А. А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739). Одесса: Тип. Штаба Одесского воен. округа, 1899, 526+ с.*), но началом его всё же многие считают именно этот год, что служит лишним доказательством сделанного выше замечания.

¹¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 7. СПб.: Типолитография И. А. Ефрона, 1892, с. 302.

¹² *Егер, О.* Всемирная история: В 4 т. Т. 4. Новейшая история. СПб.–М.: Полигон–АСТ, 1999, с. 482.

¹³ Под Кавказом мы понимаем географический регион на границе Европы и Азии, разделяющийся горной системой Большого Кавказа на два субрегиона: Северный (Предкавказье) и Южный (Закавказье). Политико-экономические границы региона на протяжении веков менялись, но в целом сосредоточены между Черным, Азовским и Каспийским морями (См., напр., определение Кавказа: *Дубровин, Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе: В 6 т. Т. 1. Кн. 1. СПб.: Типография департамента уделов, 1871, с. 1).

¹⁴ *Богданович, М. И.* Восточная война 1853–1856 гг. Т. 1. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1876, 333 с.; Т. 2, 366 с.; Т. 3, 471 с.; Т. 4, 525 с.; *Дубровин, Н. Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 1. СПб.: Тип. товарищества Общественная польза, 1900, 454 с.; Т. 2, 524 с.; Т. 3, 488 с.; *Зайончковский, А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. Т. 1. 1912–1913. СПб.: Экспедиция изготовления государственных бумаг, 1908, 768+614; Т. 2, 649+606+465 с.; *Петров, А. Н.* Война России с Турцией. Дунайская кампания 1853 и 1854 гг. Т. 1. СПб.: Военная Типография, 1890, 205 с.; Т. 2, 340 с.; *Тарле, Е. В.* Крымская война // Сочинения. Т. 8. М.: АН СССР, 1959, 558 с.; Т. 9, 624 с.; *Черкасов, П. П.* За кулисами Парижского конгресса 1856 года // Новая и новейшая история. – 2012. – № 1. – С. 200–224; *Baumgart, W.* The Crimean War, 1853-1856. London and New York: Arnold and Oxford University Press, 1999, 244 p.; *Gooch, B. D.* A Century of Historiography on the Origins of the Crimean War // American Historical Review. – 1956. – Vol. 62. – № 1. – P. 33-58; *Figes, O.* The Crimean War: A History. New York Henry Holt and Company, 2011, 608 p.; *Puryear, V. J.* New Light on the Origins of the Crimean War // Journal of Modern History. – 1931. – Vol. 3. – № 2. – P. 219-234; *Royle, T.* Crimea: The Great Crimean War, 1854-1856. London: Palgrave Macmillan, 2000, 528 p.; *Saab, A. P.* The Origins of the Crimean Alliance. Charlottesville: The University Press of Virginia, 1977, 223 p.; *Schmitt, B. E.* The Diplomatic Preliminaries of the Crimean War // American Historical Review. – 1919. – Vol. 25. – № 1. – P. 36-67; *Young, W.* Historiography of the Origins of the Crimean War. – URL: <http://internationalhistory.wordpress.com/2012/10/02/historiography-of-the-origins-of-the-crimean-war> (дата обращения: 17.03.2013); *Wetzell, D.* The Crimean War: A Diplomatic History. Boulder: East European Monographs, 1985, 255 p.

¹⁵ О внешней политике указанных держав относительно Османской империи см., например: *Борисов, Ю. В.* Дипломатия Людовика XIV. М.: Международные отношения, 1991, 381 с.; *Дворниченко, Е. В.* «Восточный барьер» во внешней политике Франции 1763–1774 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008, 27 с.; *Ивонин, Ю. Е.* Из предьстории Восточного вопроса в первой половине XVI в. (Англия и франко-турецкий союз) // *Вестник Ленинградского университета*. – 1974. – № 2. История, язык, литература. – Вып. 1. – С. 62–66; *Колесницкий, Н. Ф.* «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М.: Наука, 1977, 200 с.; *Pann, Ф.* Священная Римская Империя Германской Нации. СПб.: Евразия, 2009, 427 с.; *Саранов, С. В.* Алжир у зовнішній та колоніальній політиці Франції, 1830–1870 рр.: Дис. ... канд. ист. наук. Луганськ, 2011, 206 с.; *Харьковский, Р. Г.* Франко-британське протистояння на Близькому Сході у XV–XVIII ст.: глобалізаційний та геостратегічний вимір. – URL: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/Nvdau/2012_18/39.pdf (дата обращения: 17.03.2013); *Харьковский, Р. Г.* Политика Франции на Ближнем Востоке, 1814–1830 гг. // *Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка*. – 2010. – № 19. – С. 129–135; *Харьковский, Р. Г.* Происхождение ближневосточной политики Франции, XI–XVII вв. // *Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка*. Ч. 2. – 2011. – № 11. – С. 97–105; *Харьковский, Р. Г.* Турецько-єгипетська криза 1831–1833 рр. та політика Липневої монархії стосовно Єгипту // *Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка*. Ч. 1. – 2012. – № 6. – С. 77–87; *Хизриев, А. Х.* Египет в восточной политике великих держав от строительства Суэцкого канала до английской оккупации: 1854–1882 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2010, 192 с.; *Henry, R.* Questions d'Autriche-Hongrie et question d'Orient. Paris: Librairie Pion, 1903, 30+360 p.; *Goseck, F. M.* East Encounters West: France and the Ottoman Empire in the Eighteenth Century (Studies in Middle Eastern History). – New York Oxford: University Press 1987, 10+192 p.

¹⁶ Наименование Рима, а затем и Римской империи, распространённое в древности в некоторых странах Востока, например в Индии и в Иране. После разделения Римской империи в IV веке Румом стали называть лишь Восточную Римскую империю (Византию). После завоевания в конце XI в. Малой Азии турками-сельджуками наименование «Рум» восточные авторы относили только к Малой Азии (История османского государства, общества и цивилизации. Т. 1. М.: Восточная литература, 2006, с. 17).

¹⁷ *Анисимов, О. В.* Проблема Святых мест Палестины во франко-русских отношениях 1848–1853 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011, 17 с.; *Лисовой, Н. Н., Смирнова И. Ю.* Участие русских дипломатов в церковно-политической жизни восточных патриархатов в середине XIX века // *Российская история*. – 2009. – № 1. – С. 5–25; *Мельникова, Л. В.* Святые места в центре Восточного вопроса: церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны // *Отечественная история*. – 2008. – № 6. – С. 61–75; *Соколов, С.* История восточного и западного христианства (IV–XX века). Учебное пособие. М.: Издательство Московского института духовной культуры, 2007, 257 с.; *Токарев, А.* Святые места и Крымская война. – URL: <http://krotov.info/history/19/1850/tokarev.htm> (дата обращения: 17.03.2013); *Ficquelmont, K. L.* Le côté religieux de la question d'Orient; l'Église grecque orientale, les réfugiés politiques en Orient. Paris, Amyot, 1854, 6+164 p.; *Vrignon, A.* Le protectorat religieux de la France en Palestine (1852-1914). – URL: <http://www.dcie.net/telechargements/Leprotectorat.pdf> (дата обращения: 17.03.2013).

¹⁸ *Агансон, О. И.* Балканский вопрос во внешней политике Великобритании (1908–1912 годы) // *Новая и новейшая история*. – 2011. – № 1. – С. 93–106; *Агансон, О. И.* Политика Великобритании в Юго-Восточной Европе в условиях кризиса Балканской подсистемы международных отношений (1903–1914 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011, 28 с.; *Британская империя: становление, эволюция, распад.* Екатеринбург: Волот, 2010, 188 с.; *Виноградов, В. Н.* Британский лев на Босфоре. М.: Наука, 1991, 161 с.; *Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны.* М.: Наука, 1985, 336 с.; *Генов, Р.* В името на хуманността, националните интереси и империята: Политическите дебати в британското общество по време на Източната криза от 1870-те години <http://ebox.nbu.bg/hist/ne3/09%20Rumen%20Genov%20+%20r.pdf> (дата обращения: 17.03.2013); *Генов, Р.* Идеализъм срещу реализъм във викторианската външна политика: идеологията и политиката на Гладстон и Дизраели и Източната криза от 1875–1878 г. <http://ebox.nbu.bg/hist12/ne3/4%20R.%20Genov-Idealizam%20sreshtu%20realizam.pdf> (дата обращения: 17.03.2013); *Михайлов, В. В.* Восточный вопрос и позиции Великобритании России в Первой мировой войне: дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2009, 636 с.; *Сорокина, Е. А.* Внешняя политика Англии в конце XVII – первой четверти XVIII вв. в Центральной, Восточной и Северной Европе: дисс. ... канд. ист. наук. Иваново, 2003, 197 с.; *Фадеева, И. Л.* Османская империя и англо-турецкие отношения в середине XIX в. М.: Наука, 1982, 160 с.; *Цветянский, А. В.* Ближний Восток в политике Великобритании в 1914–1923 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2010, 24 с.; *Цветянский, А. В.* Великобритания и обсуждение будущего Ближнего Востока в годы Первой мировой войны. – URL: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2009/083.pdf> (дата обращения: 17.03.2013); *Шмелёва, О. И.* Политика Великобритании на Балканах в конце XIX века: 1874–1897 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Рязань, 2004, 221 с.; *Parry, J.* The British and the Middle East, c. 1830, 1865. – URL: <http://www.hist.cam.ac.uk/undergraduate/tripos-papers/part-ii-papers-for-2012-2013/paper-j> (дата обращения: 17.03.2013).

¹⁹ *Косев, К. Д.* Бисмарк, Източният въпрос и българското освобождение, 1856–1878. София: АИ «Проф. Марин Дринов», 2003. 505 с.

²⁰ *Дьяконов, М. А.* Власть московских государей: Очерк из истории политических идей древней Руси до конца XVI в. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1889, 6+224 с.; *Иконников, В. И.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев: Университетская типография, 1869, 562+10 с.; *Кантерев, Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М.: Тип. Л. Ф. Снегирёва, 1885, 580 с.; *Лурье, С. В.* От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции. – URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/020/073/1218/013Luoe.pdf> (дата обращения: 17.03.2013); *Плюханова, М.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995, 336 с.; Письмо старца Филофея / Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова. – URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105> (дата обращения: 17.03.2013); *Синицына, Н. В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индик, 1998, 416 с.; *Скрынников, Р. Г.* Третий Рим. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994, 192 с.; *Стремлюхов, Д. Н.* Москва – третий Рим : источник доктрины // Из истории русской культуры. Сборник. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002, с. 425–441; *Тимошина, Е. В.* Теория «Третьего Рима» в сочинениях Филофеева цикла // Правоведение. – 2005. – № 4. – С. 181–208; *Ульянов, Н. И.* Комплекс Филофея // Вопросы истории. – 1994. – № 4. – С. 152–162.

²¹ Анализ подходов к пониманию «Восточного вопроса» в русской историографии и публицистике XIX – начала XX вв. см.: *Кацис, Л. Ф., Одесский, М. П.* «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М.: Издательский дом «Регнум», 2011, 314 с.

²² *Холмогоров, Е.* Существует ли Восточный Вопрос? – URL: <http://traditio-ru.org/holmogorov/specnaz/tzargrad.htm> (дата обращения: 17.03.2013).

²³ *Торнау, Ф. Ф.* Воспоминания о кампании 1829 года в европейской Турции // *Торнау, Ф. Ф.* Воспоминания русского офицера. М.: АИРО-XX, 2002, с. 70–71.

²⁴ *Дюлгерова, Н.* Руската доктрина и руско-турската война 1877–1878 г. www.nina-dulgerova.org/Statii/54.pdf (дата обращения: 17.03.2013); *Дюлгерова, Н.* Руската парадигма в Източния въпрос www.nina-dulgerova.org/Statii/26.pdf (дата обращения: 17.03.2013).

²⁵ Принятое с XIX в. неофициальное название государств, которые по своему потенциалу (военно-политическому, экономическому, человеческому) имели решающее влияние на систему международных отношений.

²⁶ *Жигарев, С.* Русская политика в восточном вопросе. (Её история в XVI–XIX веках, критическая оценка и будущие задачи): Историко-юридические очерки. Т. 1. М.: Унив. тип., 1896, с. 2.

²⁷ Россия и славяне: Политика и дипломатия. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992, 224 с.; Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М.: Наука, 2003, 314 с.

²⁸ *Шеремет, В. И.* Восточный вопрос в эпоху Крымской войны. – URL: <http://www.cnsr.ru/news.php?id=1399> (дата обращения: 17.03.2013).

²⁹ То есть Сирии, Палестины и Ливана. Левант (от др.-фр. “Soleil levant” – «восход солнца») – общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Израиль, Иордания, Египет, Турция и др.), в более узком смысле – Сирия, Палестины и Ливана. Арабы называют эту территорию аш-Шам, евреи – Эрец-Исраэль («земля Израиля») или Эрец Мувтахат («обещанная, обетованная земля»). Машрик (араб. «эль-Машрик» – «там, где восход») – территория, изначально включавшая в себя (согласно арабским географам) все известные в IX–X вв. Восточные земли, включая Индию, Китай, ряд островов Индийского и Тихого океанов вплоть до Японии. В настоящее время определение «ал-Машрик» применяется в арабском языке, как правило, в качестве собирательного обозначения Ирака, Сирии, Иордании, Палестины и Ливана. Иногда в названный ряд включают и Египет. Согласно представлениям арабской науки X в., Земля имеет шарообразную форму и разделена на две половины линией экватора, который простирается с востока (эль-Машрик) на запад (эль-Магриб). Таким образом, весь свет состоял из четырёх четвертей, одной из которых являлся Машрик. Позже, после прекращения стремительного распространения ислама, словом «Машрик» стали именовать лишь земли, расположенные восточнее Мекки (за исключением Аравийского полуострова, обычно не входившего ни в понятие Востока, ни в понятие Запада), которые попали под мусульманское влияние (нынешние Иран, Средняя Азия, Афганистан, Пакистан). После размежевания шиитов и суннитов Персия всё чаще исключалась из этого ряда. С XVI в. по начало XX в., в период османского владычества, границы понятия «эль-Машрик» сжались до рубежей османских провинций на Ближнем Востоке и, таким образом, приобрели современное очертание.

³⁰ *Баддели, Д.* Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860. М.: Центрполиграф, 2011, 362 с.; *Беляев, Н. И.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Военное издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1956, 463 с.; *Богданович, М. И.* Восточная война 1853–1856 гг.: В 4 т. Т. 1. СПб.: Тип. Ф. Сушинского, 1876, 278+39 с.; Т. 2, 271+77 с.; Т. 3, 418+43 с.; Т. 4, 439+71 с.; *Бутурлин, Д. П.* Картина войн России с Турцией в царствования императрицы Екатерины II, императора Александра I и императора Николая I. В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. императорского воспитат. дома, 1829, 188+171 с.; Ч. 2, 171+212 с.; *Дружинина, Е. И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Изд-во АН СССР, 1955, 191 с.; *Дубровин, Н. Ф.* Восточная война 1853–1856 годов.

Обзор событий по поводу сочинения М. И. Богдановича, СПб.: Типография императорской академии наук, 1878, 506 с.; *Дубровин, Н. Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе: В 6 т. Т. 2. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1886–1888, 318 с.; Т. 3, 550 с.; Т. 4, 536 с.; Т. 5, 494 с.; Т. 6, 756 с.; *Еланчин, Н. А.* Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции: В 3 ч. Ч. 1. СПб.: Типография главного управления делов, 1904–1905, 384+75 с.; Ч. 2, 337 с.; Ч. 3, 432+205 с.; *Зайончковский, А. М.* Восточная Война 1853–1856: В 2 т. Т. 1. СПб.: Полигон, 2002, 928 с.; Т. 2. Ч. 1, 566 с.; Т. 2. Ч. 2, 720 с.; *Золотарёв, В. А.* Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. – апофеоз Восточного кризиса. Москва: Animi fortitudo, 2005, 568 с.; Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии. Тифлис: Тип. Канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1899, 332+14 с.; *Коллюбакин, Б. М.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на Кавказе и в Малой Азии. СПб.: Типо-Литография А. Г. Розена, 1906, 248 с.; *Косиненко, Н. И.* Первая русско-турецкая семилетняя война: Чигиринские походы 1677–1678 гг. СПб.: Изд. В. Березовского, 1911, 96 с.; *Петров, А. Н.* Вторая турецкая война в царствование Императрицы Екатерины II: 1787–1791 гг.: В 2 т. Т. 1. СПб.: Тип. Р. Голике, 1880, 237+48 с.; Т. 2, 251+50 с.; *Петров, А. Н.* Война России с Турцией 1806–1812 гг.: В 3 т. Т. 1. СПб.: Военная типография, 1885–1887, 414 с.; Т. 2, 575 с.; Т. 3, 468 с.; *Петров, А. Н.* Война России с Турцией и Польскими конфедератами с 1769–1774 год. Т. 1. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1866, 332 с.; Т. 2, 485 с., СПб.: Тип. К. В. Трубникова. Т. 3. 1874, 332 с.; *Потто, В. А.* Кавказская война: В 5 т. Т. 1. М.: Центрполиграф, 2006–2007, 528 с.; Т. 2, 592 с.; Т. 3, 528 с.; Т. 4, 512 с.; Т. 5, 351 с.; *Ушаков, Н. Н.* История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах: В 2 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. Эдуарда Праца и К, 1836, 23+403 с.; Ч. 2, 306 с.

³¹ *Балаян, Б. П.* Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1967, 297 с.; *Игамбердыев, М. А.* Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд: Изд-во САГУ, 1961, 298 с.; *Иоаннисян, А. Р.* Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1958, 447 с.; *Семёнов, Л. С.* Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963, 142 с.

³² *Котельников, В. А.* Восточный вопрос в русской политике и литературе // Русская литература. – 2004. – № 2. – С. 3.

³³ Магриб (араб. «эль-Магриб» – «там, где закат») – название, данное средневековыми арабскими географами и историками странам, расположенным к западу от Египта. Традиционно Магрибом называются земли между Сахарским Атласом на юге и атлантическим или средиземноморским берегом на севере, т.е. северные части Марокко, Алжира и Туниса. В настоящее время понятие Магриб получило в политике более широкое значение (т.н. Большой Магриб) и в него включаются (с запада на восток): Западная Сахара, Мавритания, Марокко, Алжир, Тунис, Ливия. В средние века в понятие «Магриб» включались также мусульманская Испания (Андалусия) и другие владения бывшего Арабского халифата в западной части Средиземного моря (Балеарские острова, Сардиния, Сицилия).

³⁴ «Новый энциклопедический словарь» определял «Восточный вопрос» как «вопрос о Ближнем Востоке, т.е. о судьбах Турецкой империи (в особенности на Балканском полуострове) и дележе её владений после её ожидаемого конца» (Новый энциклопедический словарь. Т. 11. СПб.: Тип. Общества Брокгауз и Ефрон, 1913, с. 779–780).

³⁵ Если рассматривать историю «Восточного вопроса» с XV в., как это делает часть историков, то данное утверждение выглядит не менее обоснованным.

³⁶ *Сеніна, Л.* Поняття «Східне питання» у сучасній англomовній історіографії // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. – 2011. – Серія «Історичні науки». – № 8. – Вип. 87. – С. 2.

³⁷ Об этой условности не следует забывать, так как именно она, по нашему мнению, во многом обусловила разнообразие подходов к проблеме.

³⁸ *Дегоев, В. В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. Владикавказ: Русская панорама, 2003, 512 с.; *Сотавов, Н. А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991, 226 с.; *Фадеев, А. В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1960, 404 с.; *Чечуева, А. К.* Северо-Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX вв.: автореф дисс. ... докт. ист. наук. М., 2008, 47 с.; *Шишов, А. В.* Схватка за Кавказ. XVI–XXI вв. М.: Вече, 2007, 480 с.

³⁹ Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX вв. М.: Наука, 1978, с. 5–6.

⁴⁰ Некоторые исследователи, следуя «английской модели», предлагают рассматривать его как составную часть «Большой игры» («Турнира теней») между Великобританией и Россией (*Леонтьев, М.* Большая игра. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2008, 336 с.; *Сергеев, Е. Ю.* «Большая игра». Россия и Великобритания в Центральной и Восточной Азии (вторая половина XIX – начало XX века) // Новая и новейшая история. – 2011. – № 3. – С. 82–91; *Сергеев, Е. Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012, 454 с.; *Хоткирк, П.* Большая игра против России: Азиатский синдром. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004, 640 с.). Это верно лишь отчасти, поскольку первоначально

но основным противником Англии в «Восточном вопросе» выступала Франция, а на завершающем этапе его существования – Германская империя.

⁴¹ Семёнов, Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963, с. 5.

⁴² Гасан-Заде, Д. Г. Англо-сефевидские отношения в конце XVI – начале XVII веков (по материалам английских источников): автореф. дис. ... канд. ист. наук, Баку, 1991. – URL: <http://cheloveknauka.com/anglo-sefevidskie-otnosheniya-v-kontse-xvi-nachale-xvii-vekov-po-materialam-angliyskih-istochnikov#ixzz2KsklOnGM> (дата обращения: 17.03.2013); Исмаилов, Э. Р. Очерки по истории Азербайджана. М.: Флинта, 2010, с. 78–116; Махмудов, Я. М. Взаимоотношения государств Аккояндлу и Сефевидов с западноевропейскими странами (II половина XV – начало XVII века). Баку: Изд-во Бакинского университета, 1991, 264 с.; Сеидова, Г. М. Азербайджан в торговых и политических взаимоотношениях Сефевидской империи и Русского государства в XVII веке (по русским источникам). Баку: Nurlan, 2004, 172 с.; Newman, A. J. Safavid Iran: Rebirth of a Persian Empire. London–New-York: I. B. Tauris, 2006, 281 p.; Savory, R. M. Iran Under the Safavids. Cambridge: Cambridge University Press, 1980, 288 p.

⁴³ Балаян, Б. П. Дипломатическая история русско-иранских войн и присоединения Восточной Армении к России. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988, 280 с.; Балаян, Б. П. Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1967, 297 с.; Грачёв, В. Ф. Восточная политика Наполеона в 1807–1808 гг. От Тильзита до Эрфурта // Вопросы новой и новейшей истории Франции. Рязань: РГУ, 1974, с. 54–87; Грачёв, В. Ф. Восточная политика Франции в 1808–1809 гг. // Вопросы новой и новейшей истории Франции. Ч. 2. Рязань: РГУ, 1974, с. 87–94; Ибрагимбеи, Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971, 404 с.; Исамбердыев, М. А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд: Изд-во САГУ, 1961, 298 с.; Иоаннисян, А. Р. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1958, 447 с.; Семёнов, Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963, 142 с.; Тер-Оганов, Н. К. Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1984, 27 с.; Cambridge History of Iran: in 7 vv. Cambridge University Press, 1991. – Vol. 7. – P. 297-426; Kelly, L. Diplomacy and murder in Tehran. New York: Tauris Parke Paperbacks, 2006, 316 p.

⁴⁴ Асланов, Р. Б. Ирано-турецкие отношения в 20–60-х годах XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1983, 158 с.; Бакоев, Ф. М. Отношения Ирана с Афганистаном и Турцией (1870-1905 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991. – URL: <http://cheloveknauka.com/otnosheniya-irana-s-afganistanom-i-turtsiye-i-1870-i-1905-gg#ixzz2aQELXjiv> (дата обращения: 17.03.2013); Минорский, В. Ф. Турецко-персидская граница // Материалы по изучению Востока. – 1915. – Вып. 2. – 591 с.; Минорский, В. Ф. Турецко-персидское разграничение // Известия Императорского русского географического общества. Т. 52. – 1916. – Вып. 5. – С. 351–392; Хуршид-эфенди, М. Сияхэт-намэ-и-худуд. Описание путешествия по турецко-персидской границе. С приложением отчета персидского комиссара о том же путешествии. Спб.: Изд. Военно-ученого ком. Глав. штаба, 1877, 575 с.; Чириков, Е. И. Путевой журнал русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849–1852 // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Т. 9. 1875, 908 с.; War and Peace in Qajar Persia. Implications past and present. London–New York: Taylor & Francis, 2008, p. 21-46, 80-109, 125-173.

⁴⁵ Аверьянов, П. И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис: Типография штаба Кавказского военного округа, 1900, 18+7+338+136 с.; Халфин, Н. А. Борьба за Курдистан: Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М.: Изд-во восточной литры, 1963, 176 с.

⁴⁶ Асланов, Р. Б. Ирано-турецкие отношения в 20–60-х годах XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1983, 158 с.; Kaveh Farrokhi. Iran at War 1500-1988. Oxford: Osprey, 2011, p. 202-206; Tekdemir, A. G. A. XIX. Yüzyilin ilk çeyreğinde osmanlı-iran ihtilafları ve 1821-1823 savaşı. – URL: <http://www.ardahan.edu.tr/karadeniz/web/upload/icerik/4/4.7.pdf> (дата обращения: 17.03.2013).

⁴⁷ Andreeva, E. Russia and Iran in the Great Game. Travelogues and Orientalism. London–New York: Taylor & Francis, 2007, p. 131-155. Наиболее ярко бытовая уровень суннитско-шиитской вражды в Иране конца XVIII – первой трети XIX вв. отобразён в: Исхакова, Л. И. Восток и запад в романах Джеймса Морьера о Хаджи-Бабе: особенности авторской интерпретации: дисс. ... канд. филолог. наук. Магнитогорск, 2010, 201 с.; Моршер, Д. Похождение Хаджи-Бабы из Исфагана. М.: Художественная литература, 1989, 447 с.

⁴⁸ Новичев, А. Д. История Турции: В 4 т. Т. 1. Эпоха феодализма (XI–XVIII вв.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963–1978, 314 с.; Т. 2. Новое время. Ч. 1 (1792–1839). 272 с.; Т. 3. Новое время. Ч. 2 (1839–1853), 204 с.; Т. 4. Новое время. Ч. 3 (1853–1875), 272 с.; Колобакин. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и население как источник комплектования персидской армии (Составлен по русским и иностранным источникам) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – 1883. – Вып. 4. – С. 35–110; 1884. – Вып. 11. – С. 1–33; Тохтмев, Ш. П. Вос-

поминовения суннита о пребывании в шиитском Иране // Восток. – 2012. – № 1. – С. 115–120. Российский военный аналитик Л. К. Артамонов, характеризуя межконфессиональные отношения в Иране, писал: «Сунниты более враждебны шиитам, нежели другим религиям в государстве ... Шииты ярые фанатики ... презирают суннитов ... религиозная ненависть и рознь между шиитами и суннитами так велика, что в случае военного столкновения Персии с каким-либо государством, нужны особенно благоприятные условия, чтобы сунниты ... охотно действовали заодно с персиянами» (Артамонов, Л. К. Персия как наш противник в Закавказье. Тифлис: Б. и., 1889, с. 13).

⁴⁹ Ахмеджанов, Г. А. Гератский вопрос в XIX в. Ташкент: ФАН, 1971, с. 60–62; Семёнов, Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-е годы XIX в. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963, 142 с.; Халфин, Н. А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века) // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Новая серия. Кн. 24. 1957. – Вып. 110: Исторические науки. – С. 5–125; Tekdemir, A. G. A. XIX. Yüzyilin ilk çeyreğinde osmanlı-iran ihtilafları ve 1821-1823 savaşı. – URL: <http://www.ardahan.edu.tr/karadeniz/web/upload/icerik/4/4.7.pdf> (дата обращения: 17.03.2013).

⁵⁰ История османского государства, общества и цивилизации: В 2 т. Т. 1. М.: Восточная литература, 2006, с. 107–112; Фадеева, И. Л. Концепция власти на Ближнем Востоке. М.: Наука, 1993, 286 с.

⁵¹ См.: Васильев, Л. С. История религий Востока. М.: Книжный дом «Университет», 1999, с. 160–163; Кошева, С. В. Мусульманское право о природе власти: дисс. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001, с. 82–107; Мехди Санаи. Политическая мысль в исламском обществе // Иран: ислам и власть. М.: Институт востоковедения РАН; Крафт+, 2002, с. 6–13.

⁵² Богданов, Л. Ф. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении. СПб.: Первая центр. Вост. электротеч. И. Бораганского, 1909, с. 118–119; Инаят, Х. Восстание обездоленных: бунт или революция? / Х. Инаят, М. Лофт // Родина. – 2001. – № 5. – С. 136. Об отношениях духовенства и шахов см.: Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX века). М.: Наука, 1978, с. 43–48.

⁵³ Ещё один священный для шиитов город – Мазари-Шариф – находился под властью афганцев, что также играло определённую роль во внешней политике Каджаров на востоке.

⁵⁴ Ибрагимбейли, Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971, с. 244. О Надир-шахе см.: Axworthy, M. The Sword of Persia: Nader Shah, from Tribal Warrior to Conquering Tyrant. London: I. B. Tauris, 2006, 348 p.

⁵⁵ Абдулло Мубини Дехкурди. Взаимоотношения Ирана и Бухарского ханства в XVI – первой половине XVIII вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2006, 22 с.; Бакоев, Ф. М. Отношение Ирана с Афганистаном и Турцией (1870–1905 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1991, 19 с.; Васильев, А. Д. Взаимоотношения Османской империи и государств Центральной Азии в середине XIX – начале XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007, 27 с.; Гаджиев, З. Т. Основные черты и особенности общественно-политического развития Восточного Кавказа в период османно-персидского противостояния (XVI–XVIII вв.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011, 25 с.; Гацьева, Т. И. Северо-Восточный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в первой трети XVIII в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2011, 24 с.; Маннанов, Б. С. Отношения Ирана со среднеазиатскими ханствами во второй половине XIX в. // Краткие сообщения института народов Азии АН СССР. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. – Вып. 39. Иранский сборник. – С. 56–71; Мехди Джафарзаде. Дипломатические и торгово-экономические взаимоотношения Среднеазиатских ханств с Ираном в XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2012, 20 с.; Сотниченко, И. А. Северный Кавказ в сфере политического влияния Османской империи в XIX – начале XX века: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2011, 265 с.; Хашеми Ракаванди Сейед Эсмаил. Отношения Ирана с ханствами Мавераннахра в XVIII – начале XX века: дисс. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2011, 164 с. Hale, W. Turkish Foreign Policy: 1774-2000. London and Portland: Frank Cass, 2000, 9+375 p.

⁵⁶ Асланов, Р. Б. Ирано-турецкие отношения в 20–60-х годах XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Баку, 1983, с. 48.

⁵⁷ Бларамберг, И. Ф. Осада города Герата, предпринятая персидскою армиею под предводительством Магомед-шаха, в 1837 и 1838 годах // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – 1885. – Вып. 16. – С. 1–40; Бугаева, А. Г. Борьба за Герат 1837–1841 гг. – URL: ftp://lib.herzen.spb.ru/text/bugayeva_15_39_58_61.pdf (дата обращения: 12.03.2013); Ларин, А. Б. Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX века: дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010, с. 150–189.

⁵⁸ Аббас-мирза Наиб ос-Солтане – второй сын Фатх Али-шаха Каджара. Был назначен наследником престола. С детства был наместником в Иранском Азербайджане. Пытался реорганизовать иранскую армию по европейскому образцу с помощью английских и французских инструкторов. Руководил управлением внутренней и внешней политики Ирана. Российское и британское посольства располагались при его дворе в Тебризе. Командовал иранскими войсками во время русско-персидской войны 1804–1813 гг., ирано-турецкой войны 1821–1823 гг. и русско-персидской войны 1826–1828 гг. После этого командовал походами против курдов. Умер 25 октября 1833 г. во время похода против Герата за несколько месяцев до смерти отца.

⁵⁹ *Колюбакин*. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и население как источник комплектования персидской армии (Составлен по русским и иностранным источникам) // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – 1883. – Вып. 4. – С. 42.

⁶⁰ *Балаян, Б. П.* Кровь на алмазе «Шах»: Трагедия А. С. Грибоедова. Ереван: Айастан, 1983, 180 с.; *Kelly, L.* Diplomacy and murder in Tehran. New York: Tauris Parke Paperbacks, 2006, 316 p.

⁶¹ *Ларин, А. Б.* Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX века: дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010, 280 с.

⁶² *Ибрагимбейли, Х. М.* Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. М.: Наука, 1971, с. 223.

⁶³ *Бларамберг, И. Ф.* Воспоминания. М.: Наука, 1978, 360 с.; *Ларин, А. Б.* Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX века: дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2010, 280 с.; *Масальский, Н. Ф.* Письма русского из Персии. Ч. 1. СПб.: Типография Штаба отдельного корпуса внутренней стражи, 1844. 2+4+315+2 с.; Ч. 2, 2+13+334+2 с.; *Симонич, И. О.* Воспоминания полномочного министра, 1832–1838 гг. М.: Наука, 1967, 174 с.

⁶⁴ *Гоков, О. А.* Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» // Русский сборник. Т. 13. 2012, с. 74–96.

⁶⁵ *Аблова, Н. Е.* Политика России и Англии в Иране после Крымской войны. 1856–1881: дис. канд. ист. наук. М., 1982, с. 89–119.